

АБУ ГАЗИ БУДЕТ ЖИТЬ

Л. ПЛЕШАКОВ

КОГДА я вернулся в Москву из командировки в ОАР, то, встречая знакомых, чаще всего слышал:

— Ну как там воюют?

Вопрос со смыслом. В Каире ли, в госхозах Ат-Тахрира, или в Александрии глаз невольно ищет приметы войны. Все услышанное, увиденное, узнанное прежде всего рассматривается с единственной точки зрения: а какое отношение имеет это к войне?

Приметы военного времени в нынешней жизни Египта искать не приходится. Патрули, часовые у перекрестков дорог, у мостов и железнодорожных переездов, военная охрана у правительственных учреждений, зенитные батареи — всего этого столько видишь уже в первый день, что на второй привыкаешь к защитной униформе, к огненным точкам, обложженным мешками с песком, кирпичным стенкам напротив подъездов домов.

В доме аттахирского феллаха я увидел рамку с фотографией — точь-в-точь такую, какие висят в моей родной деревне под Ельцом. Мой интерес хозяин понял по-своему. Он снял рамку и стал рассказывать, кто изображен на фотокарточках.

— Вот — старший сын. Погиб в 1956 году в Порт-Саиде. Это второй сын. Погиб в 1967-м на Синае. Эти два — младшие. Сейчас на передовой, на Суэце. Давно что-то нет писем...

В Ат-Тахрире группа советской молодежи работала в международном трудовом лагере. Он располагался на территории госхоза «Надежда» — нового хозяйства, созданного на некогда пустынных землях. Кроме нас, советских

парней, в лагере работали ребята из Польши, Чехословакии, Дании, Франции, ФРГ, Ливана, Сирии, Ливии, Индонезии, Малайзии, Йемена, Судана, Эфиопии. В течение двух недель мы рыли дренажные каналы и оросительные рвы, обрабатывали виноградники. То, что здесь, на окраине Сахары, представители молодежи трех континентов, собравшись под одной крышей, могли вести беседы и споры о самых острых проблемах, которые волнуют сейчас мир — это имело не меньшее значение, чем количество обработанных нами федданов земли. Основными темами дискуссий были положение на Ближнем Востоке и агрессия Израиля против арабских государств.

Провинция Ат-Тахир не подвергалась прямому нападению. Тем не менее последствия агрессии видны и здесь. Сюда было эвакуировано много беженцев из прифронтовых районов. По плану, принятому несколько лет назад, в провинции должны были быть орошены десятки тысяч федданов пустыни. Освоение новых земель — насущная забота ОАР. Население страны быстро растет. Чтобы прокормить его, нужно наступать на Сахару. Но война с Израилем нарушила планы.

Однажды с ответственным работником министерства сельского хозяйства я проезжал по полям госхозов и кооперативов, созданных в провинции всего несколько лет назад. Там, куда пришла вода, на небольших (пять-десять гектаров) участках, окруженных казуариновыми деревьями, зрели апельсины, оливы, кукуруза, хлопков, арахис. Но стоило переехать

последний обводнительный канал — начинались выжженные пески без единой зеленой травинки. Будто кто-то отрезал эту засушенную землю от цветущего оазиса, оставшегося за спиной.

— По плану, — объяснил мой спутник, — еще в прошлом году сюда должна была прийти вода. Безземельные и малоземельные крестьяне из дельты готовились переселиться в эти места и получить наделы по пять федданов на семью. Но война помешала...

Нам довелось встретиться с бойцами «Фатх» — палестинской патриотической организации, борющейся за освобождение своей родины от израильских оккупантов.

С сопровождавшим нас палестинским парнем мы подкатили к обычному дому в центре Каира, поднялись на четвертый этаж и оказались в кабинете невысокого, смуглого мужчины лет сорока пяти — пятидесяти, одного из руководителей «Фатх». Он просил не называть в наших статьях ни его имени, ни имен палестинцев, с которыми мы в дальнейшем будем говорить. И никого из них не фотографировать.

— Нам часто приходится бывать по ту сторону, и нас могут опознать, — объяснил он.

С лидером «Фатх» мы беседовали около часа. Он сказал:

— Палестинцы на собственном опыте постигли реакционную сущность сионизма. Нас хотят лишить государственности, национальной самостоятельности, да и вообще перечеркнуть понятие «палестинцы» как понятие нации. Иначе вся теоретическая и историческая платформа сионизма становится шаткой и неубедительной. Чем оправдывают сионисты свой националистический и агрессивный курс по отношению к соседним государствам? Тем, что они хотят воссоздать еврейское государство в рамках древнейшего царства своих прародителей, царства, которое впоследствии распалось и было покорено другими народами, пришедшими на земли Ханаана. При этом ссылаются на такой «исторический» документ, как библия.

Но если даже следовать этой — более чем странной — логике и обратиться к библии, то мы увидим, что в Ханаан пришел общий праотец израильтян и арабов Авраам. Получается, даже по библии арабы имеют на эти земли не меньше прав, чем Израиль.

Но мы не хотим уходить в столь далекие доисторические дебри. Мы считаем, что самое логич-

ное — признать равные права за всеми народами и нациями, которые населяют эту древнюю землю. Лучшим решением вопроса было бы создание федерации евреев и палестинцев с возвращением арабским государствам захваченных Израилем территорий.

— Это и является главной целью «Фатх»?

— Да. Наш лозунг: «Палестина для палестинцев». И мы будем бороться за свои права до победного конца.

— Но для того чтобы четко проводить намеченную программу, нужна соответствующая организация, вооруженные отряды, руководство, налаженная система снабжения и связи, разведка, наконец...

— У нас все это есть. В пустыне, в горах и населенных пунктах на захваченной территории мы имеем свои секретные базы снабжения, где хранится оружие, боеприпасы, продовольствие, необходимые для боевых отрядов. У нас есть специальные лагеря, где проходят обучение новички-добровольцы. В современной войне много нужно знать даже партизанам. И мы обучаем в лагерях не только стрельбе, но и тактике, разведке, ведению современного боя. Посмотрите.

Наш хозяин протянул цветные фотографии. Вооруженные солдаты бежали через горящую землю.

— Это напалм. Мы учимся вести бой в условиях бомбардировки напалмовыми бомбами...

— Нам хочется встретиться с теми, кто был по ту сторону фронта. С теми, кто показал себя героями в последних боях, — просим мы.

— У нас героями считают тех, кто погиб, сражаясь за родину. Живой не может быть героем. Он просто выполняет свой долг. Мы и награды вручаем только семьям погибших бойцов. Живые награды не имеют. Вы можете встретиться с участниками боев.

...Дежурный врач госпиталя, будто не расслышав, переспросил:

— Вы говорите: Абу Гази? К нему нельзя.

— Они имеют разрешение, — сказал сопровождавший нас парень из «Фатх».

— Если пуля попала человеку в бок и, разворотив кишки, прошла через живот, почку и застряла в позвоночнике, а человек все еще жив, то разрешение на свидание с ним может дать врач, и никто другой, — отрезал доктор. — Абу Гази нельзя, не нужно беспокоить...

**ТОЛЬКО
ФАКТЫ**

● Программа третьего пятилетнего плана Сирии (1971—1975 годы) предусматривает увеличить протяженность причалов порта Латакии на 1500 метров. В ближайшее десятилетие намечено довести грузооборот этой гавани до 2,5 миллиона тонн в год.

— Они приехали к нему из Москвы, — сказал парень.

— Есть другие раненые. Поговорите с ними.

— Может быть, разговор с иностранными корреспондентами прибавит Абу Гази силы... — сказал парень.

Доктор внимательно посмотрел на нашего провожатого и, ничего не ответив, повел нас в палаты тяжелораненых. У одной из дверей он сказал: «Абу Гази здесь. Вы можете посидеть с ним. А для разговора я приглашу выздоравливающих. Его, пожалуйста, особенно не беспокойте...».

Сначала я подумал, будто Абу Гази спит. Он лежал с закрытыми глазами, и его худое лицо на фоне белой наволочки казалось вылепленным из серого воска. К правой его руке была подведена трубочка от стеклянной колбы, в которую из другой колбы капала светлая жидкость.

— Глюкоза, — объяснил врач.

Абу Гази открыл глаза.

— Салам алейкум! — сказали мы.

Он пошевелил губами, но слов не было слышно.

— Это к тебе гости! — сказал сопровождавший нас парень.

Абу снова хотел что-то сказать, но мы опять не услышали.

— Если тебе трудно, ты молчи...

— Нет, я буду говорить... — сказал наконец Абу. — Только немного отдохну.

Мы присели у раскрытого окна, которое выходило в соседний двор. Там под деревом стоял ослик с торбой на шее. Когда ослик мотал головой, из торбы на землю к великой радости кур сыпалось зерно.

За двором была мечеть. Под самой макушкой минарета висели два динамика. Наверное, мечеть выходила фасадом на большую улицу, потому что оттуда доносился монотонный гул машин, хотя самой улицы не было видно...

— Салам алейкум!

Перед нами стояли два молодых парня в больничном белье. У одного была на перевязи рука, другой опирался на палку.

— Вас ранило там?

— Да, на оккупированной территории.

— Вы можете рассказать о своем отряде?

— Конечно. Наш отряд действовал на западном берегу реки Иордан, оккупированном в 1967 году Израилем. Мы нападали на военные патрули врага, которые курсируют днем и ночью вдоль дорог, — сначала собирали данные о времени и особенностях передвижения израильских патрульных машин, разрабатывали план операции, а потом уже совершали ее. Обычно наши операции кончались успешно, потому что мы хорошо информированы обо всех передвижениях вражеских войск. К тому же мы все хорошо знаем эти места. Здесь мы когда-то жили, и нам знакома каждая дорога, овраг, каждая тропа. И мы всегда можем рассчитывать на помощь местных жителей — тех арабов, что не бежали от оккупантов, а остались на родной земле.

— Расскажите о своем последнем бое, — просим мы.

— Это была обычная операция. Ночью мы пробрались горными тропами к автострате, по которой курсировали военные машины израильтян. Мы знали, что они обычно ездят по две, на некотором расстоянии друг от друга. Это делается для того, чтобы в случае нашего нападения на одну машину вторая могла прийти на помощь. Мы это знали и разделились на две группы, чтоб обстрелять сразу обе. Мы сидели на холме над дорогой и ждали. Вдруг видим: справа темнота резанул свет фар. Едут... Приготовились. Подпустили поближе и, убедившись, что это израильская патрульная машина, открыли огонь из автоматов. Израильтяне

тоже стали стрелять. Но им было неудобно целиться, потому что мы стреляли сверху, да и не ожидали они нас. Поэтому скоро все было кончено. Никто из них не ушел.

— Как же вас ранило?

— Какая-то шальная пуля руку зацепила. Я почувствовал боль, когда мы уже возвращались. А ему из крупнокалиберного пулемета в ногу попали, когда менял позицию.

Вошли два санитар. Они перевернули Абу Гази на другой бок и убрали прибор с глюкозой.

— Абу хочет говорить с вами, — сказал санитар.

Мы сели у кровати раненого, придвинув табуреты вплотную к ней, но даже так с трудом разбирали слабый голос:

— До войны я вместе с матерью, женой и четырьмя детьми жил в Иерусалиме, работал шофером такси. Чаше всего я возил пассажиров в Амман и обратно, поэтому хорошо знал дорогу — по ней нам пришлось бежать, когда Израиль, захватив Иерусалим, стал сносить арабские кварталы. Вместе с семьей я пробрался на неоккупированную территорию Иордании. Сначала жили в лагере для беженцев, но потом я вступил в «Фатх» и стал солдатом. Две старшие дочери тоже сейчас проходят военную подготовку в специальном лагере. Когда подрастут сыновья — они тоже возьмутся за оружие...

Лицо Абу Гази покрыла испарина. Он закрыл глаза и после долгого молчания заговорил опять:

— В ту ночь мы переправились через Иордан несколькими группами. Среди нас была даже группа инженеров, которые должны были уничтожить оборудование на электронной линии, сооруженной израильтянами вдоль реки. Она обнаруживает партизан, переправляющихся на оккупированную территорию. У нашей группы была задача уничтожить штаб патрульной службы в этом районе. Отсюда обычно уходили на дежурства израильские автомашины с солдатами, тут составлялись планы прочесывания близлежащей территории. Это был мой третий бой. До места добрались без приключений. Все мы хорошо знали эти места. Раньше, на такси, я десятки раз проезжал вдоль этих апельсиновых садов и оливковых рощ и, хоть тогда не предполагал, что когда-нибудь буду воевать на этой земле, конечно же, запомнил все это и не заблудился бы даже с закрытыми глазами.

Израильтяне не ждали нападения. Мы благополучно добрались до их гарнизона, окруженного высоким забором. Сняли часового у ворот, вошли во двор и стали стрелять по зданию штаба. Вражеские солдаты, выскакивавшие на улицу, попадали под наши пули. Все шло по плану. Но, когда мы уже начали отходить, что-то сильно толкнуло меня в бок. Очнулся я только через неделю в своем лагере. Потом переправили сюда. Здесь лежу уже месяц...

Он помолчал, собираясь с силами.

— Врачи говорят, что у меня тяжелое ранение, но я выкарабкаюсь. Я хочу, чтоб в следующий раз мы встретились с вами у меня

на родине, в освобожденном Иерусалиме...

Он закрыл глаза. Мы встали.

— Подождите... Я должен еще сказать... — остановил нас Абу Гази.

С минарета раздался записанный на пленку голос муэдзина. Звонко и переливчато сзывая правоверных к молитве, он на какое-то время заглушил монотонный гул скрытой за домами улицы, а когда умолк, шум полуденного Каира вновь ворвался в приоткрытую комнату.

Мы ждали. Абу Гази не открывал глаз. Врач взял его руку, считая пульс.

— Он забылся, — сказал врач. — Он очень устал. Но он будет жить!

Народный фронт освобождения Палестины — одна из крупных организаций движения палестинского Сопротивления.

На снимке: Партизанская группа выполняет боевое задание.

Фото ТАСС

